

Прошлой ночью с герцогом

Автор:

Амелия Грей

Прошлой ночью с герцогом

Амелия Грей

Сент-джеймские повесы #1Шарм (АСТ)

Герцог Гриффин, вовсю наслаждавшийся своей репутацией легкомысленного повесы, что называется, доигрался – тень этой скандальной славы пала на его младших сестер-близняшек, и теперь бедняжкам не сделать хорошей партии, если для них срочно не подобрать не просто респектабельную, а безупречную компаньонку... как раз такую, как Эсмеральда Свифт. Однако красота Эсмеральды немедленно пробуждает в неисправимом Гриффине охотничий азарт соблазнителя, и он начинает осаду этой неприступной крепости. Неприступной, потому что бедная, но гордая и решительная девушка поклялась никогда не дарить свое сердце мужчине, который не полюбит ее всей душой...

Амелия Грей

Прошлой ночью с герцогом

Amelia Grey

LAST NIGHT WITH THE DUKE

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press

и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «Шарм» основана в 1994 году

© Amelia Grey, 2017

© Перевод. Т. А. Перцева, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Не говорите в частной беседе того, что не хотите услышать на людях.

Мисс Фортескью.

Можно и нельзя. Руководство для компаньенок, гувернанток, гувернеров и нянь

Нетерпение Бенедикта Мерсера росло с каждой секундой. Похоже, настроение четвертого герцога Гриффина вряд ли в ближайшее время улучшится, судя по тому факту, что, когда он вошел в агентство по подбору персонала мисс Мейми Фортескью, в приемной никого не было. Он снял влажную шляпу, одновременно отметив, что комната очень скудно меблирована: старый дешевый письменный стол, пара стульев... и больше почти ничего.

– Даже камин не разожгли, чтобы хоть немного согреться, – проворчал себе под нос Бенедикт, сунув шляпу под мышку и пытаясь стянуть мокрые кожаные перчатки.

Стены конторы были голыми – правда, все в дырах от гвоздей там, где раньше висели картины, зеркала, подсвечники или что-то в этом роде.

Полное отсутствие служащих вряд ли казалось удивительным, учитывая неудачи, преследовавшие Бенедикта в последнее время.

Достаточно плохо было уже то, что по городу поползли слухи: кто-то замыслил месть против его сестер, и все из-за прошлых прегрешений Бенедикта. Мало того: этим утром он получил известие, что тетка тяжело заболела и не может стать компаньонкой близняшек на время сезона, а следовательно, сопровождать их на балы и рауты. Конечно, он будет зорко приглядывать за ними, особенно по вечерам: следить, чтобы не стали жертвами шутника-авантюриста или любого другого холостяка из тех, кто желал бы поквитаться с ним, – но не может же он ездить на все дневные собрания, посетить которые взбредет в голову этой парочке.

Не хватало еще следующие шесть недель сопровождать сестер в магазины и лавочки, а также на чай, карточные игры и ежедневные прогулки в парке. Их постоянная болтовня, визгливый смех, а иногда и ссоры способны довести до безумия, а значит, нужна компаньонка для сестер, и лучше, если это будет дама властная и с сильным характером.

Но, похоже, сегодня в этом заведении ему не помогут.

Гриффин уже повернулся к выходу, но тут из приоткрытой двери раздался женский голос. Значит, в соседней комнате кто-то есть. Вот и прекрасно! Он нетерпеливо передернул плечами. Желание поскорее покончить с раздражавшим его делом и заняться своими становилось почти нестерпимым. Приблизившись к двери, Бенедикт прислушался, ожидая паузы в разговоре, чтобы объявить о своем присутствии.

– Это совершенно неприемлемо, мисс Пенниуэйт. Вы прекрасная, очень способная гувернантка, и были таковой почти целый год. Вам следовало бы знать, как обращаться с избалованными детьми. В чем проблема?

Судя по словам и властному тону, дама была недовольна собеседницей.

– Но что же мне делать? – прозвучало так, словно девушка вот-вот расплачется. – Я старалась, но он не желает меня слушаться.

– То есть вы не можете взять в руки своего питомца.

– Я пыталась, – прогнусавила девица, – но он отказывается выполнять мои требования.

– Вы должны больше стараться, – прозвучало твердо в ответ.

Гриффин подобрался поближе к двери. Дама с напором – никакого милосердия к бедной душе, слушавшей ее наставления, – продолжила:

– Вы не должны позволять семилетнему мальчику командовать вами, мисс Пенниуэйт, даже если он считается хозяином дома и когда-нибудь станет графом. Вы обязаны взять его в руки: показать, что вы взрослый человек, воспитатель и преподаватель, довести до его сознания, что он ученик и должен прилично вести себя, как и подобает хорошо воспитанному юноше. Если потребуется, привяжите его к стулу и потом отправьте в постель голодным, без ужина.

Услышав последнюю фразу, Гриффин ошеломленно заморгал.

Собеседница воинственно настроенной дамы ахнула и шмыгнула носом, прежде чем спросить:

– Вы когда-нибудь поступали так?

– О, во имя всего святого, мисс Пенниуэйт! – раздраженно воскликнула дама. – Конечно, нет, так что не смотрите на меня с таким ужасом!

Заинтригованный, Гриффин подошел еще ближе. Похоже, это как раз то, что он искал. Ему нужна компаньонка для сестер с твердым характером и орлиным глазом, способная за милую распознать проходимца. Лучше, чтобы она оказалась

высокой, ширококостной, с угрюмым лицом и смогла бы испепелить взглядом на расстоянии двадцати футов.

– Не подумайте, что я призываю вас быть недоброй и жестокой. Вы, конечно, не станете привязывать воспитанника к стулу или морить голодом, но он по одному лишь суровому взгляду и недовольному голосу должен думать, что вы на это способны.

Если эта дама и есть мисс Фортескью, Гриффин пришел по адресу. Только обладательница такой стойкости и силы духа сможет справиться с двумя избалованными сестричками, держать их в узде, а также мгновенно распознавать джентльменов, которым не терпится сквитаться с ним за пари, потрясшее весь высший свет и остальной Лондон. Похоже, во всей столице не найти человека, склонного простить и забыть нечто подобное.

Гриффин подошел к двери и увидел стоявшую за письменным столом высокую даму с прекрасной фигурой и тонкими чертами лица. Сначала он решил, что это она подверглась словесной порке, но тут дама опять заговорила, и стало понятно: она и есть хозяйка этой конторы, сильная и уверенная в себе.

– Теперь можете вскинуть подбородок и расправить плечи, мисс Пенниуэйт. Никто из тех, кто связан с моим агентством, ни в коем случае не должен заламывать руки или рыдать из-за непослушного ребенка! У вас превосходные рекомендации и прекрасные отзывы. Вы справитесь, я в этом уверена, но сначала вы должны поверить в себя.

Гриффин, не в силах оторвать от хозяйки агентства взгляд, сосредоточенно изучал ее. Прелестное лицо. Золотистые волосы уложены в строгий узел и покрыты квадратом белого кружева. Бархатное платье унылого серого цвета, с длинными рукавами и завышенной талией, которое абсолютно ей не шло. С узких плеч свисает коричневая шерстяная шаль. На вид ей не больше тридцати, но говорила она с таким видом, словно обладала опытом и мудростью дамы зрелой и много повидавшей.

Возможно, он сделал неосторожное движение, издал какой-то звук или она просто ощутила его присутствие, но, так или иначе, привлек ее внимание. Странное тепло разлилось внутри, когда их взгляды встретились. Он едва успел заметить нечто вроде потрясения или изумления в глубине ее глаз. Хотя она и

скрыла все эмоции, дерзко вскинув подбородок, легчайший румянец на щеках доказывал, что все это ему не привиделось.

На мгновение она была явно поражена или смущена при виде незнакомца, не только наблюдавшего за ней, но еще и внимавшего ее смелым наставлениям. Она смотрела на него с тем же откровенным любопытством, что и он – на нее, и Гриффин понимал, что она старается уяснить, что он успел услышать.

Ничего, пусть пока гадает. Ему хотелось посмотреть, станет ли она защищать свои довольно жесткие взгляды на воспитание, и если станет, то каким образом. А дама тем временем глубоко вздохнула, словно впитывая уверенность и силу, которую проявляла с того момента, как он впервые услышал ее речи, и, откашлявшись, совершенно спокойно сказала:

– Мисс Пенниуэйт, мы продолжим этот разговор немного позже. Сейчас вы должны вернуться на место службы, но с более решительным и твердым настроением. Уверена, что у вас все прекрасно получится.

С этим напутствием дама поправила шаль, обошла стол и медленно, но уверенно направилась к Гриффину, словно хотела дать ему время рассмотреть ее прелестное лицо с белоснежной тонкой кожей, золотисто-кариими глазами в обрамлении длинных темных ресниц с тонкими, изящно очерченными бровями. Она тоже не сводила с него прямого, бескомпромиссного взгляда.

Какие чувственные у нее губы! Какой изящный маленький носик!

Непонятно почему, но ему вдруг захотелось наклониться, поцеловать кончик этого носика и прошептать: «Молодец!»

Уголки прелестного ротика слегка приподнялись в официальной улыбке. Очевидно, она давала ему понять, что все им услышанное – или не услышанное – не изменит ее отношения к нему. Такая быстрая смена поведения и позабавила его, и впечатлила. У него было такое чувство, что она не знает, насколько разоблачила себя за столь короткое время, но до поры до времени он держал свои соображения при себе.

Гриффин осознал, что его тянет к ней, да так, как давно, очень давно не тянуло ни к одной женщине, и причина явно не только в ее неброской красоте. И еще он

подумал, что никакая она не мисс Мейми Фортескью: слишком молода, хоть и смотрела на него твердо и спокойно.

Пока он размышлял, она остановилась в нескольких шагах от него и, взглянув прямо в глаза, спросила:

– Вам нужна помощь?

«О да», – подумал Бенедикт, но вслух сказал:

– Возможно. Я искал мисс Мейми Фортескью.

В этот момент мимо него быстро прошла, не поднимая головы, девушка с явно заплаканным лицом – мисс Пенниуэйт, понял Гриффин.

Прежде чем ответить, она стиснула руки:

– К сожалению, она больше не работает в агентстве, хотя оно по-прежнему носит ее имя. Я мисс Эсмеральда Свифт, администратор. Изложите свои пожелания, и я попытаюсь вам помочь, мистер...

Прежде чем ответить, он сунул кожаные перчатки в карман, немного помолчал, потом представился:

– Бенедикт Мерсер, герцог Гриффин.

Глаза Эсмеральды понимающе блеснули, и она воскликнула, быстро приседая:

– Прошу прощения, ваша светлость! Не каждый день в агентство приходят герцоги.

Гриффин был готов биться об заклад, что она права. Да и он бы никогда не зашел, если бы, проходя мимо, не увидел вывеску. Все, что касалось подбора прислуги, было в ведении его всезнающего дворецкого и экономки, однако сегодня он в редком порыве рвения решил взять дело в свои руки и лично подобрать компаньонку, которая станет присматривать за его сестрами во время сезона.

С тех пор как стало известно о злополучном пари, Гриффин редко посещал балы и вечеринки, где собирался свет, отдавая предпочтение более спокойным ужинам в узком кругу. Теперь ему придется опять выезжать: за его сестрами нужен глаз да глаз, – так что сопровождать их по вечерам, это хоть и не слишком его прельщало, его долг и, возможно, наказание за прошлые грехи.

– Не стоит волноваться по этому поводу, мисс Свифт. Вы могли меня и не знать, но, вне всякого сомнения, слышали обо мне.

Мисс Свифт открыла было рот, словно хотела что-то сказать, но, похоже, передумала и решила воздержаться от комментариев. Можно представить, о чем она подумала: вряд ли о чем-то хорошем.

Хоть Гриффина давно перестало волновать, кто что о нем думает и говорит, острое осознание присутствия этой необыкновенно уверенной в себе женщины не давало покоя, и ее мнение ему было небезразлично.

Ему хотелось узнать, что же она собиралась сказать, поэтому он добавил:

– Не стоит стесняться, мисс Свифт: мой титул не должен препятствовать вам высказывать свое мнение. Уверяю, это несколько меня не расстроит и не изменит моего решения обратиться за помощью именно к вам.

– Правда? – спросила она с надеждой в голосе.

– Даю вам слово.

– В таком случае я готова поклясться, что каждая женщина от восьми до восьмидесяти лет в Англии, Шотландии и Уэльсе слышала про герцога Гриффина, ваша светлость, и знает о его проделках.

Вот как? Похоже, она не лишена чувства юмора, и это не может не радовать. Приятно также видеть, что ее ничуть не устрасил его титул, особенно после того как он предложил не стесняться. Слишком часто ранее при одном упоминании его титула молодые леди впадали в ступор и не знали, что ему сказать или как ответить на простой вопрос.

– Вы забыли Португалию, Францию, Испанию и, возможно, большую часть Америк, – пожал плечами Бенедикт.

Уголки ее губ изогнулись в улыбке, и это ему тоже понравилось, хотя он немного и преувеличил: «сент-джеймские повесы», как их называли, были не столь широко известны.

– Признаю ошибку, ваша светлость, но я думала, что «Еженедельному скандалисту» мисс Гоноры Труф можно доверять.

Ее осведомленность еще больше подогрела его интерес. Уверенность в себе и легкость в обращении буквально притягивали его и очень отличали ее от других.

– Не сомневаюсь, что статьи о повесах из Сент-Джеймса, напечатанные за последние недели, обогатили мисс Труф, хотя мы трое практически не появлялись в обществе вот уже несколько лет.

– Да, мне это известно... слышала.

Вот как? Слышала?

Бенедикт улыбнулся. Мисс Свифт не удастся его одурачить. Он был уверен, что она читает... нет, пожирает глазами каждую пикантную сплетню светской хроники, причем не в одной газете, а во всех сразу, как, если верить тетке, поступает половина Лондона.

– Мисс Труф, очевидно, профессионал в своем деле, – добавила мисс Свифт.

– Вне всякого сомнения. Раз уж она вспомнила эту историю, произошедшую бог знает когда, и ухитрится в своем скандальном листке упоминать кого-то из нас не менее раза, а то и двух в месяц...

– Возможно, это означает, что бывают случаи, когда ни положение, ни состояние не могут защитить от угрызений собственной совести, сколько бы времени ни прошло.

Храбрость мисс Свифт не знала границ, нужно отдать ей должное. Его симпатия к ней все возрастала.

– Очень верно сказано, мисс Свифт. Я давно понял, что не стоит и пытаться похоронить призраки прошлого.

– Согласна. Лучшее, на что можно надеяться, – это попытаться оставить скелеты в шкафу.

Он едва заметно кивнул:

– Да, и то лишь на время.

– Возможно, в этом и заключается самый большой страх каждого.

Ее ответ застал его врасплох и пробудил эмоции, которых он давно не испытывал. Гриффин обдумал сказанное, и сердце его сжалось от сострадания к ней. Значит, и в ее прошлом были сожаления, которые она тоже скрывает? Если так, то что это – эмоциональные раны или что-то еще?

Жаль, что она не высказалась яснее. Заглянув в глубину янтарно-карих глаз, Бенедикт ясно увидел непогребенных призраков, окружавших ее, и задался вопросом: неужели и она так же усердно старается похоронить своих демонов, как он – своих?

Инстинкт и в немалой степени любопытство побуждали его порасспросить ее подробнее. Ему хотелось проникнуть в ее чувства, узнать прошлое, определить, что ее беспокоит, но он не сделал ничего подобного.

Внезапно появившееся выражение беспомощности на ее прекрасном лице заставило Гриффина молчать. Не время для таких разговоров. Возможно, в другой раз. Сегодня он подавит свой странный интерес к ее прошлому и не станет ни в чем копать, как бы она ни была готова к откровенности. Он не собирался ни в кого влюбляться, хотя и был совершенно уверен: мисс Свифт пробуждает в нем гораздо больше, чем простое любопытство.

– Это возвращает нас к причине моего визита. Мне нужны услуги вашего персонала.

– Да, конечно. – Ответ прозвучал сухо и официально: вся уязвимость мгновенно исчезла, и она опять стала деловым администратором. – Пожалуйста, присаживайтесь и скажите, какая помощь вам нужна.

Гриффин остался стоять, как, впрочем, и она.

– Хотя я предпочел бы и обойтись без посещения светских мероприятий, все же, боюсь, это невозможно. Мои сестры – близнецы Вера и Сара – в этом сезоне дебютируют в свете.

– Близнецы! Какая прелесть! – не сдержала восторга мисс Свифт.

– Не уверен, что это так: по мне, это сплошная головная боль, – бросил язвительно Бенедикт.

– Потому что вы их опекун?

– Да. Вне всякого сомнения, любой здравомыслящий человек сказал бы, что меньше всего на эту роль подхожу я, но волей судьбы я стал герцогом. И в довершение всего сегодня я получил известие, что тетка, которая должна была сопровождать сестер на все сборища, заболела, так что выполнять эту миссию некому.

– Какая неприятность, ваша светлость, – спокойно отреагировала мисс Свифт.

– Вот я и решил нанять для них компаньонку.

– Что ж, вполне разумно. Хотя мы и не сможем заменить любовь и внимание вашей тети, уверена, что сумеем найти даму, способную взять на себя ее обязанности. У нас есть три опытные женщины с превосходными рекомендациями и отзывами, и любая из них сможет приступить к работе, когда вам будет угодно. Могу я назначить собеседование с вами?

В этот момент Гриффин осознал причину, по которой не может понять, что именно влечет его в мисс Свифт: дело в том, что в ней привлекает все.

«Почти все», – поправил он себя. Ему не нравился ее чересчур чопорный вид: строгая прическа, прикрытая квадратом белого кружева, и унылое серое платье.

Совершенно очевидно, что вымуштрована она идеально. Ее манеры и убежденность в том, что способна справиться с каждым, кто войдет в эту дверь, немного пугали, зато речь была безупречна, а сила воли и твердость духа вызывали восхищение. Ее осанка, манера держаться и легкость, с которой она вела беседу, заставляли думать, что ее положение в обществе куда выше, чем есть на самом деле. Очевидно, многому она научилась, пока работала в домах аристократов. Завершало ее образ великолепное чувство юмора и острый ум.

Если бы не то обстоятельство, что он решил исправиться и давно встал на путь истинный, то с легкостью поддался бы порочным чувствам, которые она в нем будила. Касаться ее атласной щеки, слышать прерывистое дыхание, когда он будет пробовать на вкус эти соблазнительные губы, вытаскивать шпильки из золотисто-каштановой массы волос и наблюдать, как они рассыпаются по округлым плечам, – восхитительное зрелище!

При мысли о поцелуе в его чреслах стало медленно подниматься тепло нарастающей страсти. Его так и подмывало позволить первобытному жару, клубившемуся между ног, усилиться и взять над ним власть, но эти приятные ощущения вовсе не были причиной, по которой он сегодня вошел в двери агентства. Есть более срочные дела, чем желание плоти. Надо заставить себя проигнорировать эти ощущения и изменить направление, по которому ведет его собственное тело.

Черт бы все это побрал! Она очаровала его, и на этом точка!

Внезапно он наконец понял, что следует сделать.

Неохотно выбросив из головы неуместные мысли, Гриффин решительно заявил:

– Нет!

– Нет?

Она явно была в замешательстве: но он заметил, как слабый румянец смущения ползет по ее нежной шее к бледным щекам. Так и не дождавшись ответа, она устремила на него жесткий взгляд и выпрямила спину, очевидно решив, что собеседование его не интересует.

– Хорошо, – кивнула мисс Свифт, быстро восстановив равновесие. – Это не проблема. Возможно, вы тогда побольше расскажете о своих сестрах? Буду рада принять решение за вас, если вы в затруднении.

– Это ни к чему: я уже решил, кто мне нужен.

Очевидно, Гриффин сбил ее с толку, поскольку она отчужденно молчала, явно обдумывая, что следует на это сказать.

– Похоже, у вас есть знакомые в нашем агентстве?

– Совершенно верно.

– Превосходно! – с облегчением, которое постаралась скрыть, воскликнула мисс Свифт.

Чресла Гриффина опять напряглись, а мисс Свифт, стараясь не показать, как ей хочется узнать, кого он выбрал, продолжала:

– Так даже лучше. Если только ваша знакомая уже не служит в другом доме. Вряд ли она захочет отказаться от должности, чтобы угодить вам.

– Думаю, она свободна.

– В таком случае назовите имя, и я сделаю все возможное, чтобы она работала у вас.

Гриффин опять вспомнил о событиях, которые привели к этому моменту. Если верить сплетням, сестрам грозит вполне реальная опасность от человека, способного уничтожить все их шансы на хорошую партию или просто разбить

сердце. Слухи это или нет, но он не мог легкомысленно отнестись к тому, что узнал, и ничего не предпринять. Ему нужна решительная и волевая компаньонка, чтобы следить за каждым их движением, когда его нет рядом. Вера и Сара хоть и умны, но наивны, и справиться с ними не так-то легко.

Хоть мисс Свифт и показала, что у нее сильный характер: держалась смело и произвела на него впечатление, – Гриффин был уверен, что, пусть и увидел ее в краткий момент уязвимости, успел ощутить доброту и нежность, а также душевное тепло, которое нельзя изобразить.

И это больше всего ему в ней нравилось.

Гриффин позволил себе еще раз скользнуть взглядом по ее красивому лицу, великолепной фигуре. О да, она прекрасно справится с подопечными и сумеет держать их в узде.

Он подошел к ней поближе и тихо, но твердо сказал:

– Мне нужны вы, мисс Свифт.

Глава 2

Не отказывайтесь от работы, какой бы унижительной или тяжелой она ни казалась. Лучше сделайте так, чтобы из этого вышло что-то хорошее.

Мисс Фортескью

Эсмеральда Свифт едва не задохнулась от удивления. Слова «мне нужны вы» словно прогремели в тишине комнаты, запорхали вокруг, как легкие снежинки, оседая на разгоряченную кожу, питая ее. На одно лишь мгновение она поняла их буквально и насладилась чистейшим значением. Она ему нужна!

Эсмеральда стояла как зачарованная перед самым привлекательным мужчиной из всех, кого когда-либо встречала, и смотрела в самые завораживающие синие глаза, которые когда-либо видела. С того самого мгновения, как подняла глаза и

увидела его, наблюдавшего за ней с таким пристальным вниманием, что она растерялась, не понимая, отчего подгибаются колени, Эсмеральда попыталась справиться с волнением и выровнять дыхание. И дело не только в том, что он герцог: прежде всего это мужчина – высокий, стройный и совершенно неотразимый.

Он стоял перед ней такой властный, немного даже пугающий в своих желтовато-коричневых бриджах для верховой езды и черных блестящих ботфортах. Темный плащ со множеством пелерин на широких плечах был скреплен у шеи большой гравированной оловянной пряжкой, придававшей ему такой заливчатый вид, что сердце в груди Эсмеральды завертелось волчком.

Густые темно-каштановые волосы, коротко подстриженные над ушами, сзади ниспадали до самого белого воротничка. Весь его вид говорил о несгибаемом характере – крупный рот, орлиный нос и вызывающе вскинутый подбородок.

И все же он сказал «мне нужны вы», и на секунду это потрясло ее до глубины души. Эсмеральда редко теряла дар речи, но герцог просто ошеломил ее своим заявлением. Она не была какой-то глупенькой мисс и понимала, что именно он имел в виду. Слава богу, пока ей удавалось держать себя в руках и не выказывать охвативших ее эмоций.

Эсмеральда так и не сумела понять, что именно он успел услышать из ее строгих наставлений мисс Пенниуэйт, но решила, что не много, иначе не стал бы просить ее присматривать за его сестрами. Она понимала, что, вероятно, уставилась на него с таким видом, словно он несет вздор, поэтому просто со вздохом отступила к письменному столу и сказала:

– К сожалению, ваша светлость, я не сотрудница, а администратор. В мои обязанности входит распределение должностей среди женщин, которые ищут работу, и консультации, если это необходимо. Кроме того, я должна убедиться, что мы порекомендовали человека добросовестного.

Он ни на дюйм не сдвинулся с места, не изменил позу, не отвел от нее взгляда.

– Но вы ведь прошли необходимую подготовку. Не так ли, мисс Свифт?

Эсмеральда не поняла: то ли это комплимент, то ли констатация того, что кажется ему очевидным, – но все же ответила:

– О да, разумеется. Я не могла бы руководить сотрудниками агентства, если бы не понимала сути их обязанностей.

– Я так и думал.

Герцог еще раз оглядел комнату, и Эсмеральда ощутила неловкость, наблюдая, как его поразительно синий взгляд вбирает в себя потертую, старую мебель, ничем не украшенную витрину, голые стены и холодный камин. Не было никакого сомнения в том, что он оценивает комнату, как раньше оценивал и ее саму.

Но что она могла поделать, если мистер Фортескью буквально опустошил здание? У нее не было денег для соответствующей обстановки.

Когда мистер Фортескью предложил ей арендовать агентство в двухэтажном здании и каждый месяц платить ему определенный процент от доходов, она предположила, что в договор входит и обстановка. Эсмеральда во многом ошибалась, в том числе и в предположениях, что этот человек будет честен в сделке с ней.

– Должна признать, что никогда раньше не была компаньонкой. Я восемь лет работала гувернанткой, прежде чем арендовать агентство.

При этих словах ее охватила неожиданная грусть, как в тот момент, когда герцог упомянул призраков прошлого.

Сначала ей было очень нелегко. Она и сама в детстве имела гувернанток, но после того как ее мать стала изгоем в собственной семье, все изменилось: пришлось искать способ зарабатывать на жизнь. В каком-то специальном обучении она не нуждалась, поскольку прекрасно знала, что именно ожидалось от гувернанток.

– А что случилось с мисс Фортескью? – неожиданно спросил герцог.

Эсмеральда отбросила неприятные воспоминания, прежде чем ответить:

– К сожалению, она отошла в мир иной и оставила здание и агентство своему племяннику. Тот ничего не понимал в этом бизнесе, поэтому и предложил мне взять в аренду помещение, а заодно и управление, чтобы сохранить всех клиентов. Я согласилась.

– Сколько же времени прошло с тех пор?

«Кажется, целая вечность», – подумала Эсмеральда, но вслух сказала:

– Чуть меньше года.

– И как идут дела?

– Неплохо.

Конечно, это было неправдой, но, судя по тому, как высоко поднялись брови герцога – к ее досаде, – он тоже это понимал. Он опять осмотрел скудно обставленную комнату и задержался взглядом на пустом камине, прежде чем перевести глаза на нее. Должно быть, подумал, что было бы неплохо при наличии дров растопить его в такой холодный унылый день.

Эсмеральда плотнее закуталась в шаль: пусть у нее почти ничего нет, зато осталась гордость, – и, чтобы не выглядеть нелепо, добавила:

– Порой бывает трудновато, но пока удастся находить выход из положения.

Герцог ответил легким кивком и заметил:

– Что ж, рад это слышать.

Из-за того, что мистер Фортескью непомерно зависил доходы агентства, Эсмеральда была вынуждена ежемесячно платить ему огромные суммы за право управлять предприятием и жить в крошечной квартирке на втором этаже. В то время наличие работы и жилья казалось ниспосланным Богом. Ко времени второй выплаты она уже поняла, что племянник мисс Фортескью не слишком

честен с ней. Она достаточно хорошо знала арифметику, чтобы, трижды проверив все цифры, догадаться: ей показали фальшивые бухгалтерские книги, в которых взвинтили доход по меньшей мере в три раза по сравнению с истинным. Когда она попыталась указать на несоответствие, мистер Фортескью рассмеялся ей в лицо и заявил, что с радостью вышвырнет ее на улицу и наймет кого-нибудь посговорчивее. Теперь она не могла доверять этому человеку. На мисс Фортескью она работала больше восьми лет и высоко ценила ее репутацию, а наследник ее не таков.

Дохода с агентства хватало только на выплату аренды и скудную еду. Все зимние счета, включая счет за уголь, оставались неоплаченными, поэтому в конторе было так сыро и холодно, особенно ближе к вечеру. У нее было много масла для ламп и стеарина для свечей, но они давали слишком мало тепла.

Эсмеральда не сомневалась, что, если пропустить срок уплаты, Фортескью выполнит свою угрозу вышвырнуть ее на улицу, а идти ей некуда.

– Я бы хотел, чтобы вы приступили к работе завтра утром.

Как и следовало ожидать, герцог не привык к отказам. Она знала, что сильным мира сего редко говорят «нет». Очень хотелось наотрез отказать этому красавцу, но теперь следовало осторожнее подбирать слова. Она и так была чересчур дерзка и откровенна с ним. Сама Эсмеральда у него работать не сможет, но если кого-то отправить в дом герцога, ее скромный доход увеличится, а она так нуждается в деньгах! Есть как раз женщина, которая прекрасно выполнит эти обязанности!

– К сожалению, ваша светлость, вынуждена повторить: я не работаю в домах. Мое присутствие необходимо здесь, – как можно мягче произнесла Эсмеральда.

Он легко перекрыл расстояние между ними. Природный инстинкт твердил ей о необходимости отступить, но она вынудила себя стоять спокойно.

Не отрывая от нее взгляда, он подался вперед, бросил шляпу на письменный стол и подошел так близко, что она ощутила чистый, манящий запах мыла для бритья, отчего ее бросило в жар, как от пылающего в камине огня в морозную ночь. Дорогая ткань его плаща чуть коснулась ее руки, и грудь словно пронзило молнией, а низ живота конвульсивно сжался.

Эсмеральда глубоко вздохнула, и герцог взглянул на нее с искренним интересом.

– Я прекрасно вас понял, но не готов принять ваш ответ. Мне нужны именно вы.

«Мне нужны вы». Он опять повторил эти слова, и голова ее пошла кругом.

Она набрала в грудь воздуха, пытаясь успокоиться, и, к собственной досаде, была вынуждена напомнить себе, что нужна ему не она сама, а ее услуги.

Его упорство не удивляло Эсмеральду: кто она такая, чтобы этот аристократ считался с ее желаниями. Они привыкли, что все им подчиняются.

С трудом подавив свою неприязнь, она спросила:

– Вам что, кто-то меня рекомендовал?

– Можно сказать и так.

Эсмеральда задумалась. Гувернанткой она служила всего в двух домах, обе семьи были довольны, так что рекомендации ей дали превосходные. Кто-то из них вполне мог посоветовать герцогу обратиться к ней, но она решила об этом не спрашивать.

– Я работала гувернанткой, а практического опыта компаньонки у меня не только нет, но, я уверена, в обществе посчитают меня слишком молодой для наставницы двух юных леди во время их первого сезона.

– Сколько вам лет?

– В конце следующего месяца исполнится двадцать шесть.

Бенедикт пристально посмотрел на нее, прежде чем спросить:

– А что, для компаньенок существует возрастная шкала?

– Насколько я знаю, нет.

– Прекрасно. Я считаю, что вы достаточно взрослая, а остальное не имеет значения.

– Боюсь, вы единственный, кто так считает, – мгновенно возразила Эсмеральда.

Он сделал еще шаг, склонил голову к ее лицу и пронзил взглядом великолепных синих глаз:

– Я единственный, кто вправе судить об этом. Не так ли, мисс Свифт?

Его близость пробудила в ней новые, совершенно незнакомые ощущения.

– Вы правы. Но что, если это вызовет скандал в отношении ваших сестер?

– Я привык к скандалам, мисс Свифт. Верно, в обществе всегда найдутся те, кто не склонен прощать, особенно когда нам не удастся оправдать их ожидания.

Эсмеральда, подобно герцогу, знала это не понаслышке, поэтому коротко ответила:

– Не могу спорить с этим утверждением, ваша светлость.

В свое время ее мать полюбила неподходящего мужчину, а потом еще – после смерти мужа – имела дерзость выйти за него замуж. Общество ей этого так и не простило.

– Но ведь это не значит, что мы должны слепо подчиняться, верно?

– Вы все сказали за меня, ваша светлость.

Его губы дернулись в улыбке:

– Вы очень умны, мисс Свифт: мало кому удастся мои собственные слова использовать против меня.

Она не могла сдержать ответной улыбки. Как приятно одержать победу в его же игре!

– Какой позор!

– Ваш сарказм не собьет меня с выбранного пути.

– Даже намерения не имела.

– Что ж, тогда я продолжу. Тетушка успела подготовить моих сестер к сезону. Она будет по-прежнему в доме, так что поможет с деталями, если потребуется: какие балы посещать, какие платья надевать и так далее и тому подобное, – но выезжать с ними не сможет. Это и станет вашей обязанностью. Я бы не настаивал, если бы не считал, что у вас это получится лучше, чем у кого-то другого. И я хорошо заплачу за работу, к тому же дам вам время, чтобы решить вопрос с агентством. А самое позднее послезавтра жду вас.

Эсмеральда мгновенно забыла о своем решении не раздражать герцога и заработать так необходимые ей деньги, а в будущем получить еще и хорошую рекомендацию. Вместо того чтобы спокойно все обдумать и найти способ переубедить его светлость, она заявила:

– В том, что вы хорошо заплатите, не сомневаюсь, но только что я объяснила, что не могу выполнить ваше желание, а приказывать мне вы не имеете права.

Он наклонился еще ниже, и теперь между их губами было всего несколько дюймов.

– Это не приказ, мисс Свифт, а предложение, причем вполне приличное, – мягко заметил Гриффин.

От его близости и бархатного голоса у нее перехватило дыхание. Желание подчиниться ему было почти неодолимым. Ей больше не хотелось сделать шаг назад, выбежать из комнаты, она мечтала лишь об одном: угодить ему, – но...

– Даже согласись я, это просто неосуществимо: мне понадобится больше времени, чтобы сделать все необходимые распоряжения в агентстве и

приготовиться к продолжительному пребыванию в вашем доме. Я вынуждена отказаться, но, поверьте, у меня есть женщина, вполне способная справиться с поставленной задачей.

Герцог посмотрел ей в глаза.

– Скажите прямо: виной моя репутация?

– Нет, – просто ответила Эсмеральда, – хотя, если честно, не могу понять почему: задуматься бы следовало.

Особенно потому, что его присутствие насторожило все женские инстинкты, а по телу побежали мурашки.

– Вы говорите это серьезно? – медленно скользя взглядом по ее лицу, уточнил Бенедикт.

– Совершенно, – призналась Эсмеральда, вовсе не ощущая страха в его присутствии. – Не сомневайтесь: я смогу позаботиться о себе, если почувствую, что вы переступаете границы приличия и забываете о том, что джентльмен.

Губы герцога изогнулись в улыбке, и Эсмеральда услышала тихий смешок. Как же он красив и в то же время дьявольски высокомерен! Невозможно отрицать, что ее неудержимо влечет к нему, и это притом, что она терпеть не может аристократов. И вот это уже удивительно. Конечно, она вполне может защититься от его притязаний, но сначала этого нужно захотеть. А для этого необходимо почаще напоминать себе, что именно из-за титулованного джентльмена жизнь ее матери изменилась столь драматично. У Эсмеральды не было никакого желания возвращаться в свет.

– Можете быть спокойны на этот счет, мисс Свифт, но желание мое неизменно.

Как же он упрям!

– Я ценю, что вы, герцог...

– Да, а потому не привык, чтобы мне возражали, – перебил Гриффин, закончив за нее фразу.

– Вот именно, – прошептала Эсмеральда с горечью.

Исподтишка наблюдая за ним, она лихорадочно пыталась найти ответ, который его бы удовлетворил. Его взгляд, близость тела, запах приводили в смятение ее чувства. Она ощущала, как слабеет ее решимость. Спорить с ним было выше ее сил, поэтому она громко фыркнула:

– Вы ужасно упрямы, ваша светлость.

Какая дерзость! Судя по виду, герцог не верил собственным ушам, и, откровенно говоря, она и сама не верила.

Так говорить с герцогом!

Пытаясь сгладить впечатление от непочтительной реплики, она добавила:

– Ведь вы же сами сказали, что можно говорить что думаешь.

– Да-да, это так: уважаю тех, у кого хватает смелости высказывать свое мнение независимо от того, соглашаюсь я с ним или нет, – но, по-моему, упрямитесь вы.

Он буквально распространял атмосферу властности, справедливую и устрашающую одновременно.

Она с трудом сглотнула:

– Я считаю иначе.

– Если это битва характеров, мисс Свифт, предупреждаю, что не люблю проигрывать.

Глава 3

Найдите способ быть рассудительной, и в конце концов это оценят.

Мисс Фортескью

Прошло довольно много времени, но Эсмеральда наконец осознала, что противник ей под стать. По ее мнению, герцог не тот, кого легко смутить и тем более переубедить.

– Не знаю ни одного человека, который любил бы проигрывать.

Герцог кивнул.

– Да, не в моей натуре смиряться с поражением.

– Очевидно, и не в моей.

– Прекрасно! Уважаю достойного противника.

Вот в этом-то и проблема: таков был и ее девиз.

Несмотря на очевидную нужду в деньгах и весьма сильное влечение к герцогу, ей не нравился его безапелляционный тон и нежелание принять отказ. Почему он не хочет пойти на компромисс и согласиться взять в компаньонки для сестер другую женщину?

Она непроизвольно пожала плечами, подчеркивая свою решимость, на что он заметил:

– Что-то мне подсказывает, мисс Свифт, что вы прекрасный игрок: не раскрываете карты и торгуетесь до последнего. Я готов удвоить вам оплату.

Эсмеральда возмущенно ахнула. Он посчитал, что она старается выманить побольше денег, но ведь это не так: если бы могла, с радостью согласилась бы на обычное жалованье.

– Половину всей суммы получите в день приезда, остальное – в конце сезона. Я даю вам неделю на подготовку.

Она опять отступила, так что уперлась ногами в стул, но очередная попытка отойти подальше ни к чему не привела: он тут же шагнул вперед и нагнул голову еще ниже. Дальше бежать было некуда.

Опершись рукой о столешницу, чтобы не упасть, она заметила:

– Но это же очень много...

Искушение было столь велико, что очень хотелось согласиться, но это невозможно: ей очень нужны эти деньги. Она сможет расплатиться с долгами, и еще немного останется, чтобы купить уголь к будущей зиме.

– Вполне нормальная сумма, – пожал плечами Гриффин. – В конце концов, у меня две сестры и их благополучие для меня очень важно. Такие услуги бесценны.

– Прекрасно вас понимаю, ваша светлость: возможно, лучше остальных, – поэтому умоляю побеседовать с опытными в этом деле женщинами. Но сама я не смогу.

Ее разгоряченную щеку овеяло его прохладным дыханием:

– Обещаю вам превосходный бонус.

Бонус?

Волчок ее сердца завертелся так отчаянно, что подкосились ноги. Она задыхалась так, что не могла говорить и только пыталась прочесть в его глазах причины такой настойчивости. Может, он просто не хочет, чтобы она в этой ситуации взяла верх?

– Вы ведете нечестную игру, ваша светлость.

– В этом нет нужды, потому что я не веду никакой игры. Просто сражаюсь за то, что хочу получить, и делаю все возможное, чтобы добиться своего. Это помимо того факта, что я не люблю проигрывать независимо от того, спор это, пари или партия в карты. Я вполне серьезно. Если одна из сестер обручится к концу сезона, вы получите бонус, а если обе – бонус будет удвоен.

– Вы невероятно щедры, ваша светлость, тем более что эти деньги заработать вовсе не сложно: уверена, что претенденты на руку будут в очередь становиться, чтобы поймать хотя бы один ее взгляд.

– Ох, не спешите с выводами! Боюсь, задача будет не столь легкой, как вам может показаться. Вы еще не видели моих сестер.

Наверное, существовал только один способ уладить дело: придется заставить его отступить.

– Хорошо, – пошла на попятную Эсмеральда, прежде чем успела отговорить себя от неожиданно пришедшего в голову плана. – Ваше предложение очень привлекательно, но, к сожалению, меня удерживают от согласия не только обязанности в агентстве, но и домашние: ими я тоже не могу пренебречь.

Брови герцога сошлись на переносице, и он с подозрением буркнул:

– Что вы имеете в виду?

– Я про Джозефину.

– А кто это?

– Моя сестра. Я ее опекуна и не могу оставить бедняжку одну. Переехать к вам и стать компаньонкой ваших сестер я смогу только вместе с ней.

Герцог, прищурившись, всмотрелся в нее так пристально, что ей захотелось взять свои слова обратно.

– Это по меньшей мере необычно.

– Знаю, но тут уж ничего не поделаешь, – вздохнула Эсмеральда в надежде, что теперь он согласится на другую кандидатуру, а не отправится искать компаньонку к конкурентам.

– Неужели больше некому присмотреть за сестрой?

Кузен, теперь виконт Мейфорт, мог бы ей помочь, но с тех пор, как его отец несколько лет назад лишил наследства и выгнал из дому ее мать, Эсмеральда и не подумала бы обратиться к нему, ясно вспоминая бурную ссору между матерью и ее братом, тогда виконтом. Он заявил матери, что, если она пойдет против его желаний и соединит свою судьбу с поэтом-ирландцем, больше не переступит порога родного дома.

Насколько было известно Эсмеральде, с тех пор мать никогда больше не общалась с семьей, как и она сама. У нее не было причин считать, что нынешний виконт пойдет против воли отца. Если они не желают видеть мать, наверняка отвергнут и ее дочь от ирландца. В любом случае Эсмеральда не собиралась проверять, так ли это: о сестре позаботится она сама.

– Некому, – ответила она твердо, покачав головой, совершенно не страдая от угрызений совести из-за того, что не призналась в своем родстве с виконтом Мейфортом.

– Сколько лет вашей сестре?

– Двенадцать, и поэтому, как сами понимаете, я не могу оставить ее здесь на несколько недель одну.

Герцог молча смотрел на нее, и Эсмеральда, с облегчением вздохнув, сказала:

– Теперь я могу подобрать компаньонку для ваших сестер?

– Нет. Возьмите свою сестру с собой.

У Эсмеральды вдруг перехватило горло, и она закашлялась:

– Вы имели в виду... не подразумеваете же вы...

– Я всегда говорю именно то, что подразумеваю.

Что здесь скажешь?

Эсмеральда никак не ожидала, что он согласится на ее немыслимое требование, и, лихорадочно пытаюсь найти выход, выпалила:

– А Наполеон? Я и его не оставлю.

Герцог улыбнулся, и сердце Эсмеральды опять куда-то покатилося.

– Джозефина и Наполеон?[1 - Имя первой жены Наполеона – Жозефина – по англ. произносится «Джозефина». – Здесь и далее примеч. пер.] Полагаю, это ваш брат?

– Нет. Наполеон – наша собака. Вернее, собака сестры. Но я не могу их оставить.

– Я сгораю от любопытства, мисс Свифт: пес получил кличку из-за восхищения императором или презрения к побежденному врагу?

– Ни то ни другое, конечно. Когда мы нашли пса, мокрого и дрожащего, у двери черного хода, шерсть была такой грязной и свалявшейся, что голова его была похожа на треуголку, которую мы видели на портрете Наполеона. Бедняжка был больной и голодный, и мы взяли его домой, чтобы вылечить. Джозефина накормила его, отмыла и подстригла. Песика она полюбила с первого взгляда и назвала Наполеоном.

Герцог немного подумал, прежде чем спросить:

– Какой он породы?

– Скайтерьер. Должно быть, он жил у хозяев, потому что явно выдрессирован. После того как он оправился, мы стали выводить его по утрам и вечерам на прогулку в надежде найти владельца, но никто ни разу не остановил нас, чтобы справиться о нем, а он никогда не пытался сбежать.

– Должно быть, нашел свой настоящий дом.

– Да, и мне приятно думать об этом. И я рада, что вы поняли, почему я не могу стать компаньонкой ваших сестер. У меня слишком много обязанностей, чтобы брать на себя новые.

Герцог подумал, потом спросил:

– Наполеон маленький пес?

– Относительно, – осторожно обронила Эсмеральда.

– Прекрасно. В таком случае привозите обоих.

Желудок так скрутило спазмом, что рука ее невольно легла на живот:

– Вы шутите, ваша светлость?

Гриффин медленно покачал головой и, считая вопрос решенным, заговорил обыденным тоном:

– Я хочу, чтобы вы жили на одном этаже с моими сестрами. Джозефина поселится в детской: там всегда есть слуги, так что по вечерам она не останется в одиночестве, когда вы будете выезжать. Наполеон, разумеется, будет с ней.

С трудом выровняв дыхание, она все же выдавила:

– Моя сестра и Наполеон смогут жить в вашем доме?

Его голос заметно смягчился:

– Я ведь уже сказал – какой смысл повторять?

– О да. Простите. Трудно в это поверить: я и надеяться не могла.

– Однако имейте в виду: я не позволю, чтобы сестра отвлекала вас от работы, и не желаю слушать жалобы соседей, что по ночам их будит вой и лай.

– Нет-нет, Наполеон редко лает, но...

О чем она думает? Не может же она и правда ехать к герцогу? Он более чем справедлив, а ей очень нужны деньги, но тем не менее...

Словно ощутив ее колебания, он усмехнулся:

– Я еще не услышал ваше «да», мисс Свифт.

– Не могу, – прошептала она серьезно. – Боюсь, меня удерживает еще одно обстоятельство.

– У вашего пса тоже есть сестра? – улыбнулся герцог.

– Нет, – с улыбкой, несмотря на колотившееся сердце, ответила Эсмеральда.

– Брат? – не унимался Гриффин.

Она понимала, что он шутит, и почему-то застыдилась. Что бы еще придумать, как обойти правду? Ничего в голову не приходило, поэтому, судорожно сглотнув, она выпалила, опасаясь, что передумает:

– У меня нет подходящей для компаньонки молодых леди одежды, чтобы ездить на балы, вечеринки и другие собрания.

Она оглядела свое скромное платье, которое считала одним из лучших, но которое совершенно не подходило для появления в обществе, и, собравшись с духом, вскинула голову, посмотрела на герцога и добавила:

– Может, все-таки передумаете и возьмете в компаньонки более подходящую даму?

– Отсутствие приличной одежды вообще не проблема, мисс Свифт.

Герцог откинул полу плаща, достал маленький мешочек на шнурке и положил на стол.

Она опять ощутила тепло его сильного тела, запах мыла для бритья, прикосновение руки и на сей раз едва не растаяла от его близости.

– Сдавайтесь, мисс Свифт! Я выиграл эту битву.

«Выиграл ли?»

– Здесь должно хватить на платья, вечерние и дневные, а также на все, что вам понадобится. Посетите магазин мадам Донсо.

– Но я не могу взять...

– Вы будете работать на меня, мисс Свифт, – перебил ее Гриффин. – Я плачу за ливреи для кучера и лакеев, рабочие инструменты для садовника и кастрюли для повара, и мой долг обеспечить всем необходимым компаньонку сестер.

Почему у него всегда есть ответ на любой ее довод?

– Я верну вам каждое пенни, – продолжала упорствовать Эсмеральда.

– Почему вы постоянно спорите по каждому поводу?

– Не хочу выглядеть неблагодарной. Я рада, что вы пригласили меня в компаньонки для ваших сестер, но...

Она осеклась и глубоко вздохнула.

– Почему у меня такое чувство, что мне опять придется вас уговаривать? – вздохнул Гриффин.

– Должна признать, что неожиданно испугалась. Сумею ли я стать достойной компаньонкой и убереечь двух молодых леди? Что, если я не оправдаю ваших ожиданий?

Конечно, мисс Фортескью прекрасно вымуштровала Эсмеральду, но практического опыта у нее не было: мать изгнали из семьи раньше, чем у дочери состоялся дебют.

– Если это все, что волнует вас в данный момент, то, может, стоит принять собственный совет, мисс Свифт?

Эсмеральде стало не по себе, и она прошептала дрожащим голосом:

– О чем это вы?

– Когда вы объясните двум юным леди, что можно делать, а чего – нельзя, и они вас не послушают, ожидаю, что вы привяжете их к стульям, а потом отошлете спать без ужина.

Спина Эсмеральды словно окаменела, хотя, судя по выражению глаз, герцог опять пошутил. Только от этого ей не стало спокойнее.

– Так вы подслушали мой разговор с мисс Пенниуэйт! – воскликнула она тоном обвинителя. – Я так и думала.

– Я не подслушивал: просто в этот момент находился в коридоре.

– Неважно! – в негодовании отмахнулась Эсмеральда, туже стягивая шаль на озябших плечах. – Неужели не стыдитесь своих поступков?

– Никогда. Но в отличие от мисс Пенниуэйт мне бы и в голову не пришло, что такое можно сделать с ребенком. Я понимаю: вы хотели шокировать ее, заставить понять, как ей следует себя вести.

– Почему бы сразу не сказать, что ваш интерес ко мне проистекал из этого разговора? – резко спросила Эсмеральда.

– И рисковать навлечь на себя ярость дамы, которой я хотел предложить работу? Это было бы глупо.

– Ничего подобного, – возразила Эсмеральда. – Вам следовало сразу же дать знать о своем присутствии или сказать: «Простите, но я невольно слышал ваш разговор». Что-то в этом роде!

Он не стал спорить: лишь улыбнулся и пожал плечами, – что окончательно вывело ее из себя.

– Мне это просто не пришло в голову, поверьте, но я искренне одобряю ваши методы воспитания гувернанток: потрясти до глубины души и заставить действовать.

– Но это было сказано не для чужих ушей.

– Согласен, но от того, что я услышал, какой дельный совет вы ей дали, он не стал хуже. Я уверен, что вы прекрасно справитесь с моими сестрами и, если нужно, заставите их трястись от страха, как эта гувернантка.

– Если вы думаете, что ваши слова комплимент, то, поверьте, это вовсе не так.

Герцог усмехнулся:

– Считайте как хотите, это ничего не изменит: вы были суровы, но рассудительны и справедливы. Это позволяет мне надеяться, что при общении с моими сестрами вы станете не только контролировать их поведение, но и будете к ним добры и справедливы. Так что, когда сказал, что вас мне рекомендовали, я имел в виду вас, мисс Свифт. Вы, сами того не зная, прекрасно себя зарекомендовали.

Его слова были как теплое одеяло в холодную зимнюю ночь, но, наверное, не стоит принимать так близко к сердцу его комплименты: ведь это просто орудие для достижения своих целей.

Герцог вытащил из кармана перчатки и с усмешкой напомнил:

– Итак, неделя. В следующий понедельник вы должны перебраться в мой дом вместе с Джозефиной, Наполеоном и новым гардеробом. До встречи. Улаживайте свои дела, а в восемь я пришлю за вами экипаж.

С этими словами он повернулся и вышел – только полы черного плаща взметнулись и опали.

Глава 4

Не сдавайтесь и не отступайте, если считаете, что правы, но если уж придется пойти на попятную, сделайте это с достоинством.

Мисс Фортескью

Эсмеральда смотрела вслед удалявшемуся широкоплечему мужчине до тех пор, пока его фигура не исчезла вдали. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем наконец расслабилась и громко, с облегчением вздохнула. На секунду ей показалось, что это игра воображения и никакого разговора с герцогом не было, но быстрый взгляд на стол убедил ее, что это не фантазии. Герцог Гриффин действительно вошел в ее жизнь и уговорил стать компаньонкой двух его сестер. Коричневый бархатный мешочек служил доказательством реальности появления решительного привлекательного джентльмена.

Эсмеральда зажмурилась и покачала головой, все еще под впечатлением от произошедшего. Если бы только с самого начала она была с ним правдива и сказала о сестре, собаке и отсутствии подходящей одежды, то могла бы уберечься от ненужных волнений, но тогда не испытала бы новых, восхитительных ощущений, которые он в ней пробудил. Их разговор был похож на поединок фехтовальщиков: удар в обмен на удар, – но понять, кто победил, было трудно. Конечно, скорее всего она, но по какой-то причине, однако, сейчас не чувствовала себя победительницей.

Эсмеральда тихо рассмеялась. Ей пришлось сказать герцогу «да». Что еще она могла сделать? Она отчаянно пыталась отказать, но он не позволил, даже когда она выставила нечто вроде ультиматума, предъявила совершенно возмутительные требования, ожидая, что он откажется.

Ей так долго не везло, и сейчас она все еще не могла поверить, что заработает достаточно денег, чтобы выплатить долги и отложить немного на уголь. Проработав у герцога несколько недель сезона, она получит больше, чем принесло бы агентство за целый год.

Эта мысль согревала ее и определенно заставляла чувствовать себя победительницей. Кроме того, она получит все, а не маленький процент, как остальные сотрудники агентства, да и Джозефина с Наполеоном поедут с ней. Еще и новый гардероб!

И все же ее терзали неприятные предчувствия. Пусть она знала обязанности компаньонки, но никогда таковой не была. Что, если сделает что-то не так? Что, если герцог останется ею недоволен? Что, если выгонит после первого же дня? Что, если общество не примет ее и высокомерно отвергнет? А из-за нее и близнецов? Получится, что она купит совершенно ненужные ей платья без малейшей возможности вернуть потраченные деньги герцогу.

Нужно учитывать и другие обстоятельства. Судя по тому, что недавно слышала Эсмеральда, виконт Мейфорт очень болен, так что вряд ли будет посещать мероприятия сезона, но если все же приедет, то узнает ли свою кузину? А что, если узнает? Поступит так, как его отец пригрозил ее матери: притворится, будто они незнакомы и уж тем более не родственники?

Что же, ей это очень даже подходит.

Она потерла лоб и тяжело вздохнула. О последствиях ее согласия можно только гадать. Если непрестанно думать о том, что случится, она просто сойдет с ума. Одно из правил мисс Фортескью гласило: «Не стоит кликать беду». Нужно помнить об этом. Она вернется и перечитает руководство мисс Мейми Фортескью для компаньенок, гувернанток, гувернеров и нянь «Можно и нельзя». Это придаст ей уверенности, когда на следующей неделе она приедет в дом герцога, ко всему будет готова.

Нужно сделать все, чтобы не дать герцогу Гриффину повода сожалеть о своем выборе, а пока она просто будет благодарна ему за то, что дал ей работу, и не станет думать о неудаче, а также о том, как красив этот мужчина.

Теперь, когда Эсмеральда согласилась на эту работу, надо постараться ее не потерять.

С тех пор как брат матери выгнал ее из дому, Эсмеральда ненавидела всех аристократов, и герцог никак не изменил ситуацию – скорее наоборот: укрепил ее в своем мнении, решительно настаивая, что именно она должна ему помочь. Большинство титулованных особ получали все, что хотели: требовали многого и не терпели возражений. Если уж член семьи мог быть изгнан по простому капризу, что говорить о слугах?

На сердце легла тоска, как всегда при мысли о том, как безжалостно обошелся с матерью ее родной брат. И Эсмеральда, как обычно, сумела выбросить эту мысль из головы. Не важно, что когда-то ей полагалось иметь компаньонку и выезжать в общество в качестве бриллианта чистейшей воды. Эти мечты развеялись, когда ей было пятнадцать. Мать пошла против семьи и вышла замуж за молодого и красивого, но нищего ирландца Майлза Грэма. И вот теперь она, леди, светская дама, должна стать компаньонкой, а о дебюте забыть. Что ж, она поступит так же, как тогда, когда умерла мать, а вслед за ней и отец Джозефины: возьмет на себя новые обязанности и найдет способ выполнять их как можно лучше, свыкнется с новой ролью. У Эсмеральды есть сестра, о которой, кроме нее, позаботиться некому.

Она опять взглянула на мешочек с деньгами. Хоть она и не слишком жаждала тратить деньги на одежду, которую, возможно, не придется надеть дважды, все же придется забыть про гордость и купить новые платья. Когда сезон закончится, их можно будет продать, если она не сумеет найти новую работу, или сохранить и позже переделать для Джозефины. Не успеешь оглянуться, и сестра начнет привлекать внимание кавалеров. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться и следует жить сегодняшним днем. Герцог посчитал ее достойной присматривать за его сестрами, и это стоит принять и доказать ему, что он в ней не ошибся.

Когда Эсмеральда подняла бархатный мешочек, в животе все медленно перевернулось: мешочек оказался тяжелее, чем она думала. Она развязала короткий шнурок и заглянула внутрь. Монет было столько, что наверняка хватит на платья, накидки, перчатки, шляпы и другие необходимые вещи, а также на новый гардероб для Джозефины. Конечно, надо пересчитать деньги, чтобы потом возместить герцогу все расходы, – захочет он того или нет.

Глава 5

Не думайте, что ошибки прошлого останутся погребенными в неизвестности: всегда найдется, кому о них напомнить.

Мисс Фортескью

Закрыв за собой дверь агентства, Гриффин постоял на крыльце двухэтажного здания, глядя, как стекают по стеклам тяжелые холодные струи дождя.

Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз имел столь бодрящую беседу с женщиной... если имел вообще? Он давно привык, что представительницы прекрасного пола говорят лишь то, что, по их мнению, хочет услышать герцог, вместо того чтобы набраться храбрости высказать свое мнение, даже когда он просил об этом. Именно это качество: говорить то, что думаешь, – и пробудило его интерес к мисс Свифт. Светские дамы умели сделать губы розовыми, а щеки – румяными с помощью белил и красок, а у мисс Свифт все было естественным.

Познакомившись с управляющей агентством по найму, Бенедикт вдруг понял, какую женщину хочет видеть своей женой. Она должна не только делить с ним постель, но и уметь поддержать беседу. Среди готовых на все содержанок и вдовушек такие ему не попадались.

Бенедикт усмехнулся. Возможно, он потому и ухитрился прожить так долго, что вовремя порвал с любовницами, выпивкой и игрой. Теперь, в свои двадцать восемь, он, похоже, опять готов наслаждаться всем, что предложит ему жизнь, но на сей раз не пускаться во все тяжкие.

Поскольку из-за дебюта сестер ему придется посещать все мероприятия сезона, стоит, пожалуй, задуматься о поисках такой леди, которая могла бы пробудить в нем не только плотский, но и интеллектуальный интерес. На балах будет множество молодых дам: есть из кого выбрать. Может, удастся отыскать такую, которая заинтересует его так же, как эта мисс Свифт.

Она не побоялась говорить с ним откровенно, разве что постеснялась признаться в финансовых трудностях. Смущала ее и необходимость объяснять ему все обстоятельства своей жизни, хоть и напрасно: ее вины в обрушившихся на нее бедах нет. Молодой женщине очень непросто самой заботиться не только о себе, но и о сестре. Подумать только: она совершенно одна, но все же справляется со всеми трудностями. Это чертовски его впечатлило. И как держалась! Бенедикт не мог себе объяснить, что с ним творилось, но чем больше она убеждала его, что не сможет опекать его сестер, тем упрямее он настаивал на своем. Она продолжала твердить, что никогда не была компаньонкой, но он уже решил, что именно она нужна Саре и Вере.

И больше для него ничто не имело значения, в том числе и то, что общество действительно может посчитать ее слишком молодой для компаньонки леди-дебютанток. Гриффин тут же представил выражение ужаса на лицах вдов и старых дев, и это вызвало у него едва ли не злорадную улыбку.

В обществе слишком хорошо его знали, чтобы ожидать меньшего. Решимость мисс Свифт, с которой она противилась ему, показала, что в ней достаточно сил и твердости, чтобы держать в узде его избалованных сестер.

Поначалу он не мог понять, почему уперся как осел в своем желании, чтобы именно она приглядывала за этими сорвиголовами, а потом вынужден был признать, что хотел ее, пусть и помимо собственной воли. Все очень просто. И нет смысла это отрицать. Ничто не изменит того обстоятельства, что он безумно ее хотел: в постели... под ним... тихо стонущей от наслаждения.

Желание опять дало о себе знать напряжением в паху. Он почти сдался и приготовился упиваться этими ощущениями, но спохватился: сейчас для этого не время, – поэтому постарался отделаться от неотступного чувства, которое так неодолимо манило...

Давно уже его не влекло к женщине с такой силой, как к мисс Свифт. Неудивительно, что она занимала все его мысли. В конце концов, он мужчина, а у нее было чем притянуть: сильная, стройная, красивая, – но он не даст воли первобытным инстинктам, которые она так безоглядно в нем пробудила. Теперь она служит в его доме, а значит – под его защитой. Он никогда не пытался соблазнить горничную или служанку и не собирался начинать, однако отказывать себе в общении и беседах с этой девушкой не хотел.

С этой мыслью, твердо засевшей в мозгу, он надел шляпу и быстро пересек под проливным дождем улицу, где его ждал экипаж.

– Сент-Джеймс, – коротко бросил герцог вознице.

Устроившись поудобнее на бархатных подушках, Гриффин снял только что надетую шляпу и стряхнул с нее капли, прежде чем положить на сиденье. Карета выехала на мостовую, и лошади помчались рысью, но уже через несколько секунд остановились: экипаж сильно тряхнуло, потом протащило по камням, так что пассажир подскочил до потолка.

– Проклятье! – выругался Гриффин, упершись ладонями в противоположное сиденье.

Шляпа скатилась на пол. Единственное, что могло заставить кучера так резко остановиться, – кто-то перебежавший улицу. Решив узнать, какого дьявола происходит, герцог потянулся к двери, но ее неожиданно дернули, так что рука его схватила только воздух, и внутрь ворвался герцог Ратберн, а следом за ним и Солан Нокс, герцог Хоксторн. Оба уселись напротив Гриффина. Значит, ничего ужасного вроде раздавленного пешехода или животного не произошло, ну а к глупым выходкам своих приятелей он привык.

Рядом с открытой дверью кареты стоял кучер, вид у него был совершенно ошеломленный, а по шляпе стекали струи воды.

– Займите свое место. Я дам знать, когда буду готов ехать, – приказал Гриффин кучеру. – А вы, друзья, может, объясните, какого черта едва не погубили мой экипаж и лошадей?

– Это не входило в наши планы, – ответил Хок, снимая шляпу и приглаживая темно-каштановые волосы. – Мы как раз выходили из моего экипажа, когда вылетели твои кони, словно летучие мыши из дымохода на закате. Вот мы и помахали кучеру. Кто же знал, что он отреагирует так быстро.

– Ну, скажем, не только помахали... – смущенно признался Рат, вытирая ладонью мокрое лицо. – Я вовсе не хотел пугать беднягу, не говоря уж о лошадях.

– Радуйся, что все обошлось! – буркнул Гриффин, поднимая шляпу с пола и укладывая на сиденье.

– Он рад, – подтвердил Солан и поспешно добавил: – То есть мы оба рады. Вообще-то мы искали тебя почти два часа.

– Тебя трудно найти, – поддакнул Рат.

– С каких это пор? У меня ничего не изменилось: один дом на Сент-Джеймс, второй – в Мейфэре, да и клубов, которые я посещаю, всего два. – Гриффин расправил плечи и развалился на сиденье. – Если я в Лондоне, то в одном из этих четырех мест.

– Мы там были, – сухо возразил Ратберн.

– И возвращались как раз с Сент-Джеймс, когда увидели твой экипаж. Возможно, стоило дожидаться тебя, а не пугать кучера.

– Возможно, – согласился Гриффин, благодаря Бога, что несчастного случая не произошло.

– Нам нужно было встретиться с тобой, – пояснил Хоксторн. – До нас дошли кое-какие слухи, и мы решили как можно скорее тебе сообщить.

Гриффин взглянул на серьезные физиономии друзей и понял, что они, вероятно, тоже слышали, что кто-то жаждет выместить свою злобу на него на его сестрах. Он подозревал, что не потребуется много времени, чтобы слухи распространились по всему городу, и оказался прав. Именно такие новости в свете обожали и с готовностью передавали из уст в уста, чтобы потом обсуждать часами.

С Хоксторном Гриффин был знаком с Итона, а Ратберна знал со времени поступления в Оксфорд. Рат был на год моложе Гриффина и Хока, но молодые люди легко подружились. Гораздо беспечнее и легкомысленнее приятелей, Рат выкидывал один фортель за другим, и всегда это заканчивалось плохо. Дружья то и дело впутывались в какие-то истории, и одно объяснение с ректором следовало за другим. Довольно часто им попадало и от отцов.

В отличие от Рата Хок всегда следил за своим внешним видом. Как и Гриффин, он был трудолюбив, аккуратен и по большей части рассудителен. Рат же был полной их противоположностью. Черные глаза и волосы до плеч делали его похожим скорее на грека, чем на англичанина, хотя он принадлежал к чистокровным английским аристократом. Его прическа всегда выглядела так, словно он только что вылез из постели и забыл про расческу. Галстук никогда не был завязан как следует, а сюртук зачастую не подходил к жилету и брюкам. Ему не было дела до моды, и это бросалось в глаза. Кроме того, его небрежный внешний вид никогда не беспокоил дам, скорее наоборот – они липли к нему, как пчелы к меду.

Три друга, три герцога, три холостяка прославились на всю Англию. Скандальные газетенки бурлили слухами, и началось это почти десять лет назад, но так и не затихло, хотя повесы повзрослели и виделись теперь не так часто, как раньше. Обязанности, прилагавшиеся к титулам, удерживали их в фамильных поместьях. Кроме того, приходилось заседать в парламенте и выезжать в свет. Множество народу требовало их внимания: кто-то просил об одолжении, кто-то приходил заключить сделку или пригласить на какое-то светское мероприятие. Все трое были весьма привлекательны, но, подобно Гриффину, последние годы старались держаться подальше от светской жизни и посещали лишь те собрания, которые никак нельзя было проигнорировать.

Только не в этом году – особенном для Гриффина.

– Твои сестры рискуют стать жертвами изощренных проделок во время сезона, – начал Хок.

– Да, слухи до меня уже дошли, – кивнул Гриффин.

– И ты не подумал даже поделиться с друзьями? – нахмурился Рат.

– Прежде я хотел убедиться, что они правдивы.

– Ну и как, убедился?

– Вполне, и кое-что...

Гриффин осекся, решив не упоминать о мисс Свифт и своем визите в агентство по подбору персонала. Это друзьям знать вовсе не обязательно.

– Я собирался написать вам и попросить приехать. Так что и от кого вы слышали?

– Мне сказали, что сэр Уэлби случайно услышал, как какие-то джентльмены обсуждали дебют твоих сестер. Один из них будто заявил, что сент-джеймским повесам вечно все сходит с рук, они так и не заплатили за свои скандальные выходки несколько лет назад и давно пора это изменить.

– Другой сказал, что пора им указать их место и неплохо бы придумать что-нибудь эдакое для сестриц Гриффина, у которых первый сезон, – добавил Рат.

– Именно это я и слышал, – пробормотал Бенедикт себе под нос, в который раз проклиная мисс Гонору Труф, вытащившую на свет божий их старую проделку.

Вне всякого сомнения, именно из-за ее скандального листка, который напомнил Лондону об их пари, безвозвратно испортившем кое-кому сезон почти десять лет назад, все началось снова.

– Очевидно, кто-то посчитал прекрасной идеей отплатить нам той же монетой, – добавил Рат. – А твои сестры-дебютантки теперь стали легкой добычей.

Гриффин был готов перевернуть небо и землю, лишь бы этого не случилось. Близняшки не имели ничего общего с проделками их троицы, и он любой ценой должен оградить сестер от неприятностей.

– Я знаю, что сэр Уэлби плохо видит, – заметил Хок, – но ведь не настолько, чтобы не узнать никого из той компании. Мне это кажется очень странным. Он говорит, что день уже клонился к вечеру, а лампы все еще не были зажжены.

– В «Уайтсе» никогда не было хорошего освещения даже при зажженных лампах, – усмехнулся Гриффин. – Я говорил с сэром Уэлби, и он заверил, что не узнает никого, даже если они встанут перед ним.

– Тебе не кажется, что он знает, но не желает говорить, а может, боится?

Гриффин взглянул на Рата:

– Мне это приходило в голову. Уэлби всегда был хоть и недалеким, но честным парнем, только в этом случае я ничего не исключаю.

– Но он наверняка сообщил тебе больше, чем нам. Он знает, сколько их было?

Гриффин покачал головой:

– Четверо, а может, пятеро – он не уверен. Когда он повернулся, чтобы получше их рассмотреть, они уже покидали бар, а другие джентльмены входили, так что он не сумел понять, кто есть кто.

– А как он думает: они говорили серьезно или просто хотели произвести впечатление друг на друга?

– Я не спрашивал, но, как бы то ни было, рисковать нельзя.

Темно-карие глаза Рата встревоженно посмотрели на Гриффина:

– Что собираешься предпринять?

На память мгновенно пришла мисс Свифт, и неожиданно его охватило спокойствие. Ему нравился наклон ее головы, когда она о чем-то его спрашивала, ее мягко скругленные плечи и решительно сжатые прекрасные губы. Влечение, которое она разбудила в нем, никуда не делась, оставалось с ним и заставляло постоянно о ней думать.

Гриффин неохотно выбросил мысли о мисс Свифт из головы. Сейчас не время и не место думать о женщине, которая привлекла его внимание, даже не прилагая к этому усилий, скорее наоборот: постоянно давая отпор.

Он мрачно уставился на друзей:

– Я сумею уберечь сестер.

– Не думаешь, что стоит отложить их дебют на год? – спросил Рат, рассеянно протирая запотевшее окно.

– Поначалу думал, но это было бы несправедливо: последние два года они только и говорили что о дебюте. К тому же те, кто замышляет месть, тоже станут выжидать.

– А таких, возможно, найдется немало, – вздохнул Рат.

Хок кивнул.

– Сэр Уэлби был уверен, что никого из холостяков постарше в той компании не было, – вспомнил Гриффин. – Хотя зрение его и подводит, он считает, что распознал бы голоса тех, кто давно посещает «Уайтс».

– Похоже, кое о чем мы можем догадаться, – оживился Рат. – Например, по крайней мере у одного из них есть сестра, которая была дебютанткой в том году, когда мы заключили пари.

– Может, кузина или дочь, – вставил Хок. – Нельзя также исключить, что эти мстители просто наглецы, любители пошутить, как когда-то мы.

– Что ж, вполне правдоподобно, – согласился Гриффин.

– Мы знаем, что дебютанток в тот год было двенадцать, но не уверен, что смогу вспомнить имена, – заметил Хок.

– Верно, – покачал головой Рат, – но, может, вместе мы вспомним больше и сумеем определить, кто задумал недоброе.

– Если не сумеем, ты не узнаешь, кто серьезно заинтересован в том, чтобы уничтожить репутацию близняшек.

Рат глубоко вздохнул:

– Какое отношение имеют юные леди к тому, что сделали мы?

– Для тех, кто задумал мне отомстить, это значения не имеет, – ответил Гриффин. – Они знают, что их сестры, кузины или дочери тоже были невинны, когда мы устроили ту дурацкую выходку. Уверен: они готовы ждать вечно, чтобы осуществить задуманное.

Друзья уставились на Гриффина, но промолчали, понимая, что тот прав.

Хок медленно побарабанил пальцами по колену:

– Я всегда надеялся, что придет день, когда мы сможем исправить ошибки своего прошлого.

– Вряд ли это произойдет сейчас, когда мисс Гонора Труф решила, снова вытащив эту историю на свет божий, поднять продажи своего грязного листка до небес, – свирепо пробормотал Рат.

– Почему мы не подумали тогда, что и наши сестры вырастут и станут молодыми леди? – горестно проговорил Хок.

– В голову не пришло, – вздохнул Рат. – Хок, у тебя ведь тоже есть младшая сестра?

– Да, в будущем году ее дебют.

Троицу прозвали сент-джеймскими повесами, конечно, не за благотворительную работу для церкви, но Гриффин не мог осуждать друзей. После окончания университета он пустился во все тяжкие, и ничто, кроме наслаждений, его не интересовало. У него были самые красивые женщины и деньги без счета, вино и карты. Он выбросил на ветер тысячи фунтов и за все это время ни разу не подумал о будущем.

– Я знаю, о чем вы оба думаете, – заметил Рат. – И вы правы: у меня нет сестер, и пари было моей идеей.

– Но мы же согласились, – возразил Гриффин твердо, – так что все несем ответственность поровну.

– Да, ты прав, – согласился Хок. – В то время мы были слишком эгоистичны и самонадеянны, чтобы думать о ком-то, кроме себя.

– Слишком молоды, слишком высокомерны и слишком богаты, и это не пошло нам на пользу, – добавил Гриффин.

– Не пойму одного: каким образом эта история опять всплыла – ведь было столько не менее шумных скандалов, – сказал Рат.

– Беда еще в том, что желтая пресса решила ее воскресить как раз перед тем, как моим сестрам предстоит выйти в свет.

– Проклятье! Сколько нам тогда было? Восемнадцать? Девятнадцать? Во всем мире не найдется отца, брата или кузена, который не натворил в юности глупостей.

– Но большинство вышли сухими из воды, – напомнил Хок. – В отличие от нас.

– Но мы же никому не желали зла и ни одной девушке не причинили вреда. Когда все было сказано и сделано, мы всего лишь доказали, что каждая молодая леди независимо от того, какие шансы у нее были на хорошую партию, независимо от того, красива она или нет, застенчива или общительна, хочет иметь тайного обожателя.

– И готова встречаться с ним, но так же тайно, – добавил Хок. – Полагаю, отцам и братьям такие выводы не понравились.

Рат грустно вздохнул:

– Нет, но мы добились своей цели: доказали, что тот, кто написал всю эту чушь о том, как именно джентльмен должен ухаживать за леди, ошибался.

Хок стряхнул дождевые капли с рукава сюртука:

– Дружище, мы как-то можем тебе помочь?

Гриффин усмехнулся:

– Я все ждал, когда кто-нибудь из вас задаст этот наиважнейший вопрос.

Рат подался вперед, оперся локтями о колени и, уставившись на Гриффина, попросил:

– Поделись, что намерен предпринять.

– И это я ожидал услышать, – кивнул Гриффин. – Ты можешь жениться на Саре, а ты, Хок, – на Вере.

– погоди! – воскликнул Рат, поднимая руки и откидываясь на спинку сиденья. – Я как-то не готов.

«Еще бы!» – усмехнулся про себя Гриффин.

– Я тоже! – немедленно вставил Хок, ерзая на сиденье. – И тебе хорошо известно, что мы не можем пойти на это.

Гриффин намеренно выдерживал паузу, переводя взгляд с одного на другого. Нечасто у него появлялась возможность видеть, как эти двое извиваются словно червяки на горящих углях. Он сполна насладился их смятением, прежде чем спросить:

– Почему же?

– Это все равно что жениться на своих сестрах, – заявил Рат, запустив обе пятерни в свои длинные черные волосы.

– Ну вы же знаете, как они вас обожают, – продолжил Гриффин разыгрывать друзей. – И выйдут за вас хоть завтра, только попросите. Это решит проблему быстро и безболезненно. Никто не посмеет им навредить, если они будут помолвлены. Должен добавить, что у них богатое приданое.

– Обе юные леди настоящие красавицы, – пробормотал Хок, смущенно пожимая плечами и неловко ерзая. – И, несомненно, станут самыми завидными невестами в этом сезоне. Кроме того, они милые, обаятельные... и все такое.

Рат, помедлив, добавил:

– Остальное перечислять не стоит, поскольку они твои сестры.

– Ты совершенно прав, Рат! – поспешно воскликнул Хок. – Ты пойми, Гриффин, не можем мы на них жениться.

– Значит, когда вы уверяли, что ради меня готовы на все, попросту лукавили?

– Нет-нет, – запротестовал Рат. – Это не так. Мы делали и делаем все, что можем, но ты должен признать, что женитьба на твоих сестрах не лучшая идея.

– Из нас не получится хороших мужей, – вторил другу Хок, – и ты это прекрасно знаешь.

Гриффин знал, поэтому не выдержал и расхохотался:

– Вы оба – ужасные трусы, но во многом правы: я бы никогда не позволил своим сестрам выйти за вас замуж – вы их не заслуживаете.

Друзья вздохнули с облегчением, чем вызвали новый приступ веселья.

– Когда речь заходит о женитьбе, – фыркнул Рат, – я, признаюсь, пугаюсь до полусмерти: при мысли о семье у меня аж скулы сводит, – но ничего не поделаешь, в этом году придется. Стану посещать все эти сборища, а заодно помогать тебе наблюдать за юными леди и оберегать от беды.

– Думаю, мы все одинакового мнения о балах. Их чертовски много, – проворчал Хок. – И хотя у меня тоже нет желания их посещать, я готов пострадать, чтобы докопаться до того, кто намерен испортить сезон юным леди.

– Именно это я и хотел услышать, – объявил Гриффин. – Надеюсь, при свете дня и с более ясной головой эти мстители осознают, что не стоит связываться с тремя не робкого десятка герцогами. Приезжайте ко мне. За выпивкой обсудим все версии и, может, сообразим, кому взбрело в голову затеять этот подлый заговор.

Друзья согласились и вскоре покинули его. Когда за ними закрылась дверь экипажа, Гриффин дважды постучал в крышу, давая знак кучеру трогаться, а сам расслабился и позволил мыслям унести его в прошлое.

Будучи первенцем и единственным сыном герцога, он стал предметом бесконечного обожания родителей, которые ни в чем ему не отказывали. Он получал все, что хотел, делал что хотел, а если не хотел, то не делал. Единственное, чего требовал от него отец, – это учиться управлять огромным хозяйством семьи, что было для Бенедикта не особенно сложной задачей.

После смерти отца герцогом стал он, но вместо того, чтобы образумиться и вести себя в соответствии с титулом, позорил свой род и отдавался погоне за развлечениями. Пьянство, карты и дамы полусвета – вот его тогдашние увлечения.

Именно этот распутный образ жизни и привел к совершенно безумному пари, которое потрясло общество и последствия которого до сих пор преследовали друзей.

Все началось с книги «Руководство для истинных джентльменов. Как добиться идеальной леди».

Гриффин хмыкнул, вспомнив проделки их троицы, и дыхание белым облачком вырвалось изо рта.

Он никогда не сомневался, что их по праву называли сент-джеймскими повесами: для них не существовало ни границ, ни запретов. Неделю за неделей они посещали игорные заведения, в которых толпились продажные женщины и рекой лился бренди, а к их услугам было все, что только ни пожелают. Они постоянно заключали пари, играли в карты, делали ставки на скачках и выигрывали, а иногда и проигрывали – призовых лошадей, поместья и целые состояния.

По вечерам они объезжали особняки, где давались балы и устраивались вечеринки: танцевали, старались очаровать и завоевать невинных юных леди, заставляя их думать, будто они способны поймать и укротить таких завидных женихов. Никто из повес жениться, конечно, не намеревался: просто так они оттачивали свое искусство обольщения. Их интересы дальше не

распространялись. Покинув бал, остаток ночи и большую часть следующего дня они проводили в игорном заведении на восточной стороне Бонд-стрит.

Теперь Гриффин не находил себе места. Нет, не так. Ему все надоело. Надоели карты, кости, скачки, стрельба и охота; даже толпы первых красавиц уже не приносили удовлетворения.

По правде говоря, он не мог вспомнить и половины проступков, в которых его обвиняли в тот сезон, потому что не расставался с бренди, портвейном или элем. Глаза мало что замечали, а в голове постоянно шумело. Слава богу, пили они теперь чисто символически и безрассудных поступков не совершали.

Бенедикт хоть и вспоминал те дни, но не тосковал по ним. Каким-то образом они пережили то время, хотя в его нынешней жизни не все было так, как ему бы хотелось. Скандальный листок мисс Гоноры Труф позаботился о том, чтобы прошлое не забылось.

В разное время все они безуспешно пытались узнать, кто написал эту колонку о пари, пока наконец не решили, что автор, должно быть, какой-нибудь немолодой сотрудник редакции, которая и готовила подобные материалы. Владелец этой желтой газетенки ясно дал понять, что унесет имя автора с собой в могилу, хоть тот и использовал псевдоним. Гриффин давно перестал читать то, что о нем писали, и не обращал внимания на появлявшиеся время от времени статьи. Теперь же совсем другое дело: речь идет о репутации его сестер. На счету повес, правда, были проделки похлеще злополучного пари, но никто их не уличал, а значит, мисс Труф не могла о них написать.

В одну из пьяных ночей они решили, что каждый выберет девушку и незаметно проберется в ее спальню, а в качестве доказательства принесет какой-нибудь предмет: щетку для волос с монограммой, бант, ленту или ридикюль. Главное – чтобы все признали в нем вещь, принадлежавшую именно этой девушке. Тогда они были такими легкомысленными, бессердечными распутниками! Причинить зло или соблазнить девушку, конечно, они не собирались: просто хотели проверить, сумеют ли остаться незамеченными.

Гриффин вытянул ноги и положил голову на спинку сиденья, мыслями вновь возвращаясь к той злополучной ночи, после которой всю троицу стали называть сент-джеймскими повесами. Тогда они от души посмеялись над «Руководством

для истинных джентльменов», в котором утверждалось, что истинный джентльмен никогда не пошлет леди записку с подписью «Ваш тайный обожатель», и решили действовать. Стоило кому-то лишь намекнуть, что чего-то делать не следует, можно было поклясться, что они это непременно сделают.

Идеей Ратберна было послать всем незамужним светским дамам письма от тайных обожателей. Гриффин и Хоксторн с готовностью согласились на проделку. За очередной бутылкой бренди они осознали, что таких леди слишком много, а следовательно, будет много и работы, поэтому решили, что достаточно разослать письма только дебютанткам этого сезона. Таковых насчитывалось двенадцать, а значит, задача упрощалась.

А пари только подогрело интерес к проделке. Каждый поставил сто фунтов.

Тот, к кому придет больше девушек, получит все деньги.

Все, казалось, так просто... Но это только казалось, поскольку успех превратился в поражение.

В письмах к «своим» четырем дебютанткам Гриффин назначал встречу у фонтана в заднем саду Гранд-холла. Четыре дебютантки Рата должны были прийти на свидание к южному портику, а девицы Хока – к павильону.

К их величайшему изумлению, явились все двенадцать. Вот только тайные обожатели отсутствовали. Девушки вступили в оживленную беседу, что было вполне естественно, и только тогда поняли, что их одурачили.

Победителей в ту ночь не оказалось: одни проигравшие.

Экипаж остановился, и Гриффин вернулся к настоящему. Он дома. Чем скорее удастся выдать замуж сестер, тем лучше. Как только у них на пальцах появятся обручальные кольца, скандал их больше не коснется.

Он готов принять любую месть, если она будет направлена на него, как возмездие за прошлые грехи, но сделает все возможное, чтобы защитить сестер.

Глава 6

Тщательно обдумывайте то, что собираетесь сказать, а то, не ровен час, ваши же слова кто-нибудь использует против вас.

Мисс Фортескью

Проводив герцога, Эсмеральда заперла входную дверь. Мешочек с деньгами оттягивал карман юбки, когда она поднималась по лестнице в жилые помещения. Знакомое фыркание Наполеона, цоканье когтей по деревянному полу вызвали улыбку. Как бы тихо она ни ступала, песик всегда чуял ее и мчался встречать. Вот и на этот раз, стоило ей открыть дверь, светлый скайтерьер радостно запрыгал и бросился к ее ногам.

– Как ты сегодня, Наполеон? День такой дождливый.

Собака затыкала и лизнула руку хозяйке. Та наклонилась, погладила песика, потрепала по голове, взъерошила теплую влажную шерстку и только потом задумалась, почему Наполеон мокрый.

Сначала Эсмеральда была озадачена, но потом все поняла. Теперь она знала, почему Джозефина с такой готовностью приносила чай в полдень, чтобы ей не пришлось подниматься вверх: каждый день она через заднюю дверь выводила Наполеона на прогулку.

Эсмеральду охватило сильнейшее желание затопать ногами, но она сдержалась.

– Ну все, все, хватит! – сказала она, отстранив Наполеона, и позвала сестру.

– Сегодня ты что-то рано, – беззаботно заметила Джозефина, вбегая в крошечную гостиную. – Я как раз собиралась поставить чайник, потом заварить тебе чаю и принести вниз.

Быстро взглянув на ее туфли и удостоверившись, что они мокрые, Эсмеральда уставилась в счастливое лицо двенадцатилетней девочки.

Сестры были совершенно непохожи, и различия не имели ничего общего с разницей в возрасте. Волосы Эсмеральды были медового оттенка, а Джозефина обладала роскошной рыжей гривой. В солнечные дни прямые пряди падали ей на спину и отливали золотом, а в дождливые, как сегодня, превращались в водопад. Светлокожая Джозефина смотрела на мир глазами невероятного изумрудного цвета. Ее щеки и переносицу украшала россыпь светлых веснушек. Несмотря на худобу, девочка была крепкой и здоровой – вся в красавца отца.

Эсмеральда тоже прошла в комнату.

– Спасибо тебе за заботу, но скажи: у нас что, потолок протекает?

Джозефина удивленно подняла голову, потом с невинным видом оглядела комнату. Эсмеральда проследила за ее взглядом. Гостиная была хоть и невелика, но благодаря трем окнам здесь всегда было светло, а в ясные дни солнечно. Здесь вместе с несколькими предметами дорогой мебели, перешедшей Джозефине от семьи отца, соседствовал потертый диванчик, обитый тканью с цветочным рисунком, и старенькие кресла. У стены стоял чайный столик во вполне приличном состоянии. На стенах висели два медных бра и пейзаж с изображением стада овец, пасущегося на ирландских холмах.

– Я ничего не заметила, – пожала плечами Джозефина, пытаюсь отыскать мокрое пятно. – А что, где-то на полу есть лужа?

– Нет, но у Наполеона почему-то мокрая шерстка, совсем как сегодня утром, хотя это понятно: мы гуляли с ним под дождем.

Сестра замерла: очевидно, поняла, что попалась, – глаза и рот ее округлились.

– Ты не послушалась меня и опять гуляла с собакой одна? – задала Эсмеральда риторический вопрос.

Джозефина упрямо сжала губы, скрестила руки на груди и с вызовом уставилась на нее.

– Я жду ответа.

– А я не собираюсь ничего говорить.

Наполеон залаял и глухо зарычал, потом опять подскочил к юбке Эсмеральды в надежде на ласку, и ей пришлось погладить песика.

– И почему же? – обратилась она к сестре.

– Тебе не понравится то, что я скажу.

– Вполне возможно, – согласилась Эсмеральда, постукивая ногой по полу. – Однако я настаиваю. Говори.

– Только не сердись, ладно?

Гнев Эсмеральды мигом растаял. Джозефина всегда знала, как подольститься к сестре. Она тоже не хотела ссориться, но дело казалось ей важным, чтобы его игнорировать. Воспитанием сестры должна была заниматься вовсе не она, но после смерти своего отца девочка осталась совсем одна, и Эсмеральде пришлось взвалить эту ношу на свои плечи.

– Если ты опять выходила одна, то у меня есть причина сердиться. Наполеон вполне мог подождать моего возвращения. Ну так что?

Сестра по-прежнему стояла с упрямо сжатыми губами и хмуро смотрела на Эсмеральду. Упрямство – еще одна черта, унаследованная ею от отца-ирландца.

– Джозефина!

– Видишь, ты уже злишься, а я даже еще ничего сказать не успела! – взорвалась девочка, мятежно сверкая глазами.

– Пока не злюсь, но очень скоро начну. Ты выводешь меня из себя своим упрямством.

– Ладно, успокойся: я действительно выходила, – пробормотала Джозефина и быстро добавила: – Но вовсе не одна.

Эсмеральда насторожилась:

– А с кем? Миссис Чиддингтон приходила в гости?

– Нет, с Наполеоном.

Эсмеральда вздохнула с досадой:

– Ты же знаешь, что наш песик не защитник.

– Да он лучше любого большого пса! – отмахнулась Джозефина. – С таким другом не страшно: он не позволит, чтобы со мной что-то случилось!

– Я уже говорила: дело не только в этом!

Эсмеральда знала, что этот район города пусть и не самый лучший, но все же достаточно респектабельный и относительно безопасный, в противном случае никогда не согласилась бы здесь не только жить, но и арендовать агентство.

– Юной леди неприлично выходить на улицу без компаньонки!

– Никакая я не леди! – капризно буркнула Джозефина. – Я девочка.

– Которая скоро станет девушкой, и ей ни к чему пятнать свою репутацию, тем более что...

Эсмеральда осеклась, и как раз вовремя: у нее едва не вылетело «...она уже и так запятнана».

Хоть Джозефина и была внучкой виконта по линии матери, отец ее – нищий ирландский поэт. Вряд ли пока она понимает все эти тонкости, но рано или поздно с ней придется это обсудить.

– На меня никто и внимания-то не обращает, – вздохнула девочка.

– Откуда тебе это знать? И как давно ты совершаешь тайные вылазки?

– Да я и выходила-то всего несколько раз, с тех пор как стало теплее, – обиженно произнесла Джозефина.

– Ладно, – вздохнула Эсмеральда с облегчением: хорошо хоть, сестра не убегала из дома зимой. – Но ты не должна больше так поступать. Я требую, чтобы ты дала мне обещание.

Секунды шли, но Джозефина упорно молчала, глядя на Эсмеральду в упор. Словно почувствовав напряжение между сестрами, Наполеон крутился вокруг младшей, поскуливая и лихорадочно махая хвостиком. Девочка нагнулась и погладила песика по голове.

– Мы будем стоять здесь до тех пор, хоть всю ночь, пока не дашь мне обещание, – заявила Эсмеральда тоном, которым гувернантки говорят с озорными воспитанниками.

– Хорошо, обещаю, но мне это не нравится.

– Ничего, придется смириться.

Эсмеральде и самой было не по себе, оттого что вынудила Джозефину дать обещание, поэтому она тихо поблагодарила ее, надеясь положить конец неприятному разговору.

– Просто скучно целыми днями торчать в доме и ждать, пока ты придешь и поведешь нас на прогулку.

– В таком случае, если тебе нечего делать, займись рукоделием. Ты мало времени уделяешь вышиванию.

– Это занятие для старых леди, которые умирают от скуки, и ты прекрасно это знаешь, – возразила Джозефина.

– Хорошо. Если ты не любишь работать иглой с ниткой, сосредоточимся на математике, чтении и поэзии.

– Ненавижу поэзию! Сочиняю стихи только для того, чтобы угодить тебе.

Эсмеральду поразило признание сестры. Может, все из-за того, что ее отец, Майлз Грэм, который написал так много стихов для дочери, рано покинул этот мир? Она всегда была счастлива, когда отец сажал ее на колени и читал свое новое стихотворение. Джозефина никогда не говорила об отце, словно была уверена, что, если не вспоминать о нем, не будет и такой тоски.

– Что ж, ладно: не буду настаивать. Можешь заняться тем, что больше всего тебе нравится. Кстати, что это?

– Гулять по улицам! – выпалила Джозефина.

Эсмеральда зябко закуталась в шаль, а Наполеон подбежал к холодному камину. Вот уже больше недели они не топили: не было ни угля, ни дров, ни денег, – зато масла для лампы имелось в избытке, так что она повернула фитиль, чтобы огонек горел поярче. Пусть у них холодно, но зато светло.

Джозефине, как внучке виконта, полагалось иметь большой теплый дом, слуг, гувернеров и преподавателей музыки и французского, способных дать больше, чем Эсмеральда, но, увы, у нее ничего нет. Единственный выход – старшей сестре забыть о гордости и попросить о помощи кузена.

Вспомнился вдруг неотразимый герцог Гриффин, и ее охватил сильный трепет. Эти романтические чувства такая чепуха! Но она не знала, как остановиться, и, по правде говоря, не хотела. По крайней мере, это способ отвлечься от тревог.

Может, им с Джозефиной и правда несколько недель пожить в доме герцога? Зима стояла холодная, и трудно винить сестру за желание больше времени проводить на улице. Эсмеральда и сама была бы не прочь, но, отправившись на прогулку, могла бы упустить его светлость и других потенциальных клиентов, которые приходят в агентство в поисках гувернанток.

– Мы с Наполеоном уже погуляли, так что пойду приготовлю тебе чай, – проямлила Джозефина отворачиваясь.

– Пстой, – попросила Эсмеральда. – Чай подождет. Мне нужно кое-что тебе сказать.

– Возможно, мне это не захочется услышать, – буркнула Джозефина.

– Нет, глупышка: все просто замечательно! В такой пасмурный день приятно услышать хорошую новость.

– Ну, если ты так думаешь...

Очевидно, Джозефина все еще дулась на сестру.

– Давай лучше я расскажу, в чем дело, а ты сама решишь, нравится тебе это или нет.

Джозефина промолчала, и Эсмеральда продолжила:

– У нас появилась возможность некоторое время пожить в другом доме.

– О чем ты, Эсми? – удивилась девочка. – Мы ведь и года здесь не прожили! Ты же обещала, что этот дом долго-долго будет нашим и нам не придется опять переезжать! Ты обманула?

– Нет-нет, ты не так меня поняла. Мы вовсе не переезжаем: это наш дом, и им останется, – просто месяц-другой, не дольше, погостим в одной семье.

– Без Наполеона я никуда не поеду, а с ним наверняка нельзя.

– Можно, – улыбнулась Эсмеральда, мысленно похвалив себя за то, что догадалась спросить про собаку. – Так что будешь продолжать за ним приглядывать. Кроме того, ехать придется: выбора просто нет. Я не могу оставить тебя одну.

Джозефина фыркнула, а сестра добавила:

– Меня нанял герцог Гриффин в качестве компаньонки для своих сестер на этот сезон.

– Компаньонки...

– Ну да, хоть это и не твое любимое слово, – вздохнула Эсмеральда.

– Зато, похоже, тебе оно очень нравится, – демонстративно закатила глаза Джозефина, что-то буркнула себе под нос, потом проговорила: – Я думала, после того как умер папа, ты больше не станешь работать в знатных домах.

Эсмеральда действительно говорила об этом, потому с радостью и согласилась на предложение мистера Фортескью руководить агентством. Женщинам редко представлялись подобные возможности. Кроме того, она одновременно получала и жилье. Единственной проблемой оказалась нечестность мистера Фортескью, почти ввергнувшая их с сестрой в нищету.

– Это особый случай: герцог очень настаивал – возможно потому, что хотел компаньонку не намного старше своих сестер, которым по восемнадцать. Я не могла отказать, тем более что он позволил взять и тебя и Наполеона. Это большая уступка с его стороны.

Но на Джозефину ничто не действовало: еще больше надувшись, теперь она смотрела на сестру с вызовом.

Похоже, лучше закончить объяснения и начать готовиться к переезду.

– У меня очень много дел. Нужно найти человека, который занимался бы агентством, пока нас не будет. Я должна также почитать руководство для компаньенок, а еще необходимо составить список всех завидных женихов.

Мысли Эсмеральды внезапно пришли в смятение. Сколько всего нужно успеть за такое короткое время! Мисс Фортескью прекрасно вышколила ее, и теоретически она знала все виды услуг, но необходим и практический опыт.

– Ладно, это пока подождет. – Она помедлила, оглядывая сестру. – Завтра утром первым делом мы поедем к модистке и закажем новый гардероб. Ты же не

против получить новое платье?

– Зачем? – презрительно пожала плечами Джозефина. – Я все равно нигде не гуляю, так что кто меня увидит в новом платье?..

– Джозефина, ты прекрасно знаешь, что это неправда, и просто пытаешься пробудить во мне чувство вины за то, что я приняла такое решение. Это было сделано ради нашего будущего, так что я не позволю тебе испортить мне настроение. Если все получится и я заработаю обещанные герцогом бонусы, то смогу нанять кого-то вроде миссис Чиддингтон, чтобы занималась тобой и смотрела за Наполеоном. Юную леди обязательно должен кто-то сопровождать, так что она будет с вами гулять.

– Но чем я буду заниматься целыми днями, пока ты выполняешь свои обязанности?

– Я не видела дом герцога, но уверена, что сад там есть, – пояснила Эсмеральда. – И наверняка большой, с дорожками, укромными уголками и, вполне возможно, фонтанами.

– Настоящий сад? – удивленно воскликнула Джозефина, явно заинтересовавшись.

Вряд ли разумно описывать то, о чем понятия не имеешь, но Эсмеральде наконец удалось привлечь внимание сестры и отступить теперь было поздно.

– Уверена, что герцог позволит тебе вместе с Наполеоном проводить в саду столько времени, сколько захочешь. Только запомни: заниматься все равно придется. Вполне вероятно также, что у герцога есть библиотека, и, думаю, он не будет возражать, если ты воспользуешься ею.

– Терпеть не могу читать! Мне нравится мечтать и сочинять всякие истории про наши с Наполеоном приключения.

Девочка взглянула на свернувшегося у камина песика, но тот лишь ушами дернул.

– Вот и придумай историю о нашем пребывании в доме герцога! Как тебе эта идея?

Джозефина подошла поближе:

– Ты правда думаешь, что герцог позволит нам играть в саду, а не прикажет весь день сидеть в комнатах?

– Я обязательно попрошу его светлость, чтобы не препятствовал тебе выходить когда захочешь.

– Хорошо, Эсми! – жизнерадостно воскликнула Джозефина. – Полагаю, тогда я поеду.

Эсмеральда наконец расслабилась и улыбнулась: теперь можно и планы начинать строить.

Глава 7

Не перекладывайте свои дела на чужие плечи.

Мисс Фортескью

Эта темная ночь тянулась чертовски долго. Гриффин, низко надвинув шляпу на лоб и закутавшись в плащ, прячась в тени, наблюдал за задней дверью дома. Сырой холодный воздух пробирал до самых костей. Какая жалость, что он не прихватил с собой фляжку с бренди!

Гриффин медленно двигался между незнакомыми домами в поисках нужного. Ключья тумана подрагивали и, казалось, даже касались лица. Он вспомнил, как раньше, когда отец даже не подозревал, что его нет дома, бродил по освещенным улицам Мейфэра даже в самые холодные ночи и знал здесь каждый дом, каждый сад, каждый куст. В этот тихий лондонский район он попал впервые. Тучи закрывали луну и звезды, но даже в этой кромешной тьме Гриффин видел, что дома здесь гораздо меньше и проще: никаких тебе фонарей,

выложенных брусчаткой дорожек и садовых оград.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имя первой жены Наполеона – Жозефина – по англ. произносится «Джозефина». – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/grey_ameliya/proshloy-noch-yu-s-gercogom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)